

В.Г. БУРОВ

О КНИГЕ "КИТАЙ: МЕДВЕДЬ НАБЛЮДАЕТ ЗА ДРАКОНОМ"

Основная цель автора рассматриваемой монографии доктора исторических наук А.В. Лукина¹ – осветить сложные перипетии восприятия в России образа Китая (включая Тайвань) на протяжении XVII–XXI вв. В книге привлечен большой массив материалов, относящихся к российско-китайским отношениям, начиная фактически с XVII в., включая донесения дипломатов, воспоминания путешественников, дневники членов Российской духовной миссии в Пекине, исследования ученых, действия политических деятелей. В результате у читателя создается определенное представление о том, как российские официальные круги и научная общественность воспринимали Китай, оценивали его политику, культуру, историю. В подавляющем большинстве сведения, сообщаемые автором, базируются на исследованиях в основном российских авторов. Перечень использованной литературы в книге значителен – около 550 публикаций на русском и иностранных языках.

Интерес к Китаю в России существовал всегда, особенно по мере продвижения ее на Восток он возрос во второй половине XX в. и начале нынешнего столетия². Рассматривая формирование образа Китая в России, автор подчеркивает "высокий уровень российского китаеведения в XVIII–XIX вв.", указывая на большое количество квалифицированных переводов, "Россия, в отличие от Европы не знала последовательно сменявших друг друга периодов китаефилии и китаефобии (образованный россиянин XVIII в. мог выбирать любую европейскую интерпретацию и дополнять ее русскими описаниями, часто неизвестными в Западной Европе)" (с. 57). Лукин упоминает о моде на все китайское, существовавшей в тот период в России, в частности, при Екатерине II в Петербурге и его окрестностях был построен ряд зданий в китайском стиле, в частности китайская деревня³. Дань этой моде отдали и такие известные русские ученые и литераторы, как М.В. Ломоносов, Г.Р. Державин, Н.И. Новиков, Д.И. Фонвизин, А.Н. Радищев.

В то же время ряд русских общественных деятелей, публицистов, философов рассматривал Китай в рамках господствовавших западных теорий того времени как застойную и отсталую цивилизацию. Китай был в их глазах отрицательным примером для России (с. 69). В этой связи Лукин приводит соответствующие высказывания В.Г. Белинского, П.Я. Чаадаева, А.И. Герцена, В.С. Соловьева, Д.С. Мережковского.

На наш взгляд, адекватно освещая взгляды В.С. Соловьева на китайскую цивилизацию, Лукин вместе с тем неоправданно утверждает, что рассуждение русского философа о "желтой опасности", якобы угрожающей России из Китая, играло и до сих пор продолжает играть значительную роль в культуре, философии и политической жизни Рос-

Буров Владилен Георгиевич – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

¹ Лукин А.В. Китай: медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007, 598 с.

² Нельзя согласиться с утверждением автора на с. 27 о том, что интерес к Китаю в широких слоях населения России, за исключением некоторых регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, не высок.

³ В бытность мэром Санкт-Петербурга А.А. Собчака она стала частным владением.

сии (с. 78), что выглядит совершенно бездоказательным. Тем более что сам автор ссылается на многих русских публицистов, ученых, писателей XIX–XX вв., которые относились к Китаю с явной симпатией, как, например, Н.Г. Чернышевский, Н.В. Шелгунов, А.С. Хомяков, Н.Я. Данилевский, Э.Э. Ухтомский и, наконец, Л.Н. Толстой, для которого "Китай был важным примером неиндустриального, ненасильственного, прогрессивного и близкого к природе образа жизни" (с. 99). Известно, что великий русский писатель восхищался китайской цивилизацией, китайскими философами и даже издал переводы их произведений на русском языке⁴.

Лукин прав в своем утверждении, что большинство русских востоковедов объективно оценивали китайскую историю и культуру. Он упоминает в этой связи имена Н.Я. Бичурина, С.М. Георгиевского, В.П. Васильева. Однако нельзя согласиться с его делением всех тех, кто писал о Китае, на две группы: так называемых китаефобов и китаефилов. Дело в том, что оценки реальностей китайского общества, китайской цивилизации представителями различных кругов российской общественности были многоплановыми – среди тех, кого автор называет китаефилами, были и те, кто не принимал определенные стороны китайской действительности, а среди тех, кого он называет китаефобами, были те, кто отнюдь не относился к Китаю с ненавистью, их суждения можно назвать поверхностными, не более того. Можно ли, например, к китаефобам отнести русских мореплавателей – Ю.Ф. Лисянского и И.Ф. Крузенштерна? Разве не сочувствием к китайскому народу звучат слова Крузенштерна: "Дух самовластия простирается постепенно от престола до самых нижних начальников. Народ стонет под игом малых своих тиранов" (с. 115). Еще более резок в своих суждениях был Лисянский, который справедливо писал о злоупотреблениях власти династии Цин над своим народом. Вообще складывается впечатление, что автор руководствуется при описании взглядов, бытовавших в России относительно Китая, довольно упрощенной схемой. На наш взгляд, нельзя относить к китаефобам тех, кто высказывал критические, даже резко критические мнения относительно тех или иных сторон китайской действительности. Как и в случае с Крузенштерном и Лисянским, эти их мнения были во многом обоснованными.

Китаеведу Лукину не может не быть известно, что еще более резкие критические замечания относительно социальных порядков, существовавших в своей стране, высказывали многие китайские мыслители-реформаторы, например, Ли Чжи, Ван Чуаньшань, Хуан Цзунси, Кан Ювэй, Лян Цичао, Тан Сытун, Сунь Ятсен и др. Против власть предержащих были направлены и крестьянские восстания, не раз возникавшие в истории Китая, в частности, знаменитое Тайпинское движение. Даже те, кого Лукин называет китаефобами, высказывали немало верных замечаний, поскольку их суждения были основаны на личных наблюдениях, другое дело, что их общие выводы, например, об угрозе России со стороны Китая были необоснованы. Поэтому исследователь, берущийся за такую тему, как освещение образа Китая в России, должен быть предельно осторожным в своих оценках.

Некоторые суждения автора, связанные с оценкой взглядов так называемых китаефобов, выглядят странными. Это относится к книге военного министра в правительстве Николая II генерала А.Н. Куропаткина "Русско-китайский вопрос", которую он называет апофеозом колониалистско-западнического подхода к Китаю (с. 136); по мнению генерала, в целях предупреждения "желтой опасности" следовало изменить российско-китайскую границу путем присоединения к России сопредельных китайских территорий. И далее автор делает следующий вывод: "Если бы российское правительство прислушалось к советам А.Н. Куропаткина и полностью переключило свою активность на Дальний Восток, пойдя на уступки Германии и Австрии на Балканах, возможно, страна не

⁴ Неясно, какой смысл автор вкладывает в слова, характеризующие тех или иных персоналий; например, сторонник Чернышевского Шелгунов назван "радикальным писателем", а сам Чернышевский нет (с. 85). На той же странице в словосочетании "прогрессивные журналы" первое слово почему-то взято в кавычки.

была бы втянута в мировую войну" (с. 139). Другими словами, Лукин как бы разделяет точку зрения царского генерала.

Подробно рассматривая политику Коминтерна и Советского Союза по отношению к Китаю в 20–30-е годы XX в., Лукин останавливается на внутривнутрипартийных разногласиях в ВКП(б) по китайскому вопросу. Он делает справедливый вывод: «Разногласия в Коминтерне, а затем и в Политбюро все же были разногласиями между коммунистами. Это не означает, что они были не существенными. Однако разногласия эти существовали в рамках общего идеологического поля... Приоритетной целью политики как Советского государства, так и Коминтерна в Китае было стимулирование там революции как составной части мировой революции, остальные задачи были подчинены ей. Эту цель разделяли представители всех направлений большевизма, как "левые", так и "правые", о чем и те, и другие ясно заявляли» (с. 173). Лукин отвергает утверждения западных авторов о том, что советская внешняя политика в 20–30-е годы якобы вернулась к традиционному российскому империализму и экспансионизму. Одновременно автор прав и тогда, когда он выражает несогласие с точкой зрения российского историка А.В. Панцова, который "поверхностно интерпретировал" роль Советского Союза как базы мировой революции. Поэтому заслуживают внимания слова Лукина о том, что внешняя политика большевиков имела глубокие идеологические корни, в значительной степени мессианские (с. 181). К этому можно добавить, что в основе теории и практики ВКП(б) лежали интернационалистские мотивы. До середины 30-х годов интересы строительства социализма в Советском Союзе были подчинены интересам мировой пролетарской революции, поэтому партия большевиков считала своим интернациональным долгом оказывать помощь – политическую, материальную и даже военную – революционным движениям в различных странах мира, в том числе и в Китае. Китайские коммунисты учились в Советском Союзе, лечились там, получали от него финансовую помощь и т.д., в различных слоях советского общества, в частности среди писателей, деятелей культуры вообще, существовали глубокие симпатии к китайскому народу.

В 30-е годы в связи с агрессией Японии против Китая Советский Союз прилагал большие усилия для создания единого фронта КПК и Гоминьдана для борьбы с японским империализмом, "СССР всемерно поддерживал КПК, стараясь убедить Чан Кайши не открывать военных действий против коммунистических сил" (с. 207). Этой стратегии СССР придерживался и после окончания Второй мировой войны. Как подчеркивает Лукин, «и в этот период И.В. Сталин идеологически в значительной степени оставался большевиком-марксистом, для которого расширение территории СССР было укреплением базы мировой революции, и он часто жертвовал "империалистическими" интересами СССР ради поддержки коммунистических движений за рубежом. Его никогда не покидала марксистско-ленинская вера в конечную победу мировой революции, а его политика в Китае после 1945 г. – хороший пример того, как успехи СССР во Второй мировой войне возродили надежды советского лидера на ее приближение» (с. 211). В книге приводится свидетельство того, как именно благодаря помощи СССР была создана экономическая и военная база для победы КПК в гражданской войне. Сталин продолжал оказывать поддержку КПК и лично Мао Цзэдуну и после образования Китайской Народной Республики. После его смерти интернационалистский курс советского руководства не изменился. Китаю оказывалась значительная экономическая, техническая и военная помощь.

Как известно, на рубеже 50–60-х годов начались идеологические разногласия между руководством СССР и КНР. При описании событий, связанных с противостоянием двух компартий, а затем и двух стран, Лукин, к сожалению, придерживается необъективного подхода. Во-первых, он совершенно не упоминает международные совещания коммунистических и рабочих партий, особенно Совещание 1957 г., на котором Мао Цзэдун изложил свои взгляды на мировой революционный процесс, на новую мировую войну. Именно тогда в Москве он произнес известные слова о том, что если в будущей мировой войне и погибнет несколько сот миллионов человек, с мировым империализмом будет покончено навсегда. Не упоминает он и печально знаменитую статью "Да здравствует

ленинизм", 8 редакционных статей газеты "Жэньминь жибао" и журнала "Хунци", открытое письмо ЦК КПК, в котором были сформулированы 25 пунктов обвинений в адрес КПСС и всего международного коммунистического движения. А ведь именно все эти китайские материалы способствовали формированию в советском обществе негативного образа КПК и Китая вообще. И еще один момент. Что бы впоследствии в 90-е годы прошлого века в угоду тогдашней моде "партийные либералы", по терминологии автора, ни писали о том, что они использовали критику маоизма для борьбы со сталинистами внутри самой КПСС, в действительности они выступали за возвращение к "аутентичному марксизму", марксизму Маркса и Ленина, извращенного Мао Цзэдуном. Те, кого сегодня называют "партийными либералами", были сторонниками творческого марксизма, т.е. решений XX съезда КПСС. Для этого достаточно вспомнить написанные ими и опубликованные в 1962–1963 гг. редакционные статьи в журналах "Коммунист" и "Партийная жизнь", о которых в книге почему-то не упоминается.

Во-вторых, Лукин не уделяет должного внимания такой теме, как влияние "культурной революции" в Китае и кровавых событий на острове Даманский, которые явились прямой провокацией со стороны режима Мао Цзэдуна (об этих событиях в книге упоминается вскользь), на умонастроения советской общественности.

Лукин прав, когда пишет: "Чтобы предсказать или оценить реакцию конкретного политика на то или иное событие, необходимо понимать, какие культурные шаблоны определяют его подход к делу... В практическом смысле изучение шаблонных подходов к разным политическим ситуациям, принятым в данной политической культуре, дает возможность предсказать реакцию руководства страны, политических партий, отдельных политиков и населения в целом на конкретные события или действия другой страны, тем самым создавая прочную основу для политического прогнозирования" (с. 21). Именно в свете такого подхода становится понятным не только отношение к Китаю диссидентов и научной общественности, но и самого руководства Советского Союза, принимавшиеся им тогда политические решения, в частности наращивание военного присутствия в пограничных с Китаем районах.

В-третьих, автор книги следует весьма упрощенной и даже примитивной схеме при описании позиции различных представителей партийной и научной интеллигенции по отношению к Китаю, зачисляя одних в "китаефобов", а других в "китаефилов", отбрасывая не укладывающиеся в его схему факты. Вопрос об отношениях между Советским Союзом и Китаем нельзя сводить только к вопросу об их нормализации. Надо рассматривать данную проблему в более широком аспекте – было ли в китайских реформах что-либо полезное, позитивное, что можно было перенять для успешного осуществления перестройки. В конце 90-х годов прошлого века мне довелось встречаться с бывшими ответственными сотрудниками аппарата ЦК КПСС, входившими в свое время в ближайшее окружение М.С. Горбачева. На мой прямой вопрос, почему вы не предложили Горбачеву использовать опыт китайских реформ, они резко ответили, что разве можно было перенимать что-либо у страны, в которой отсутствует демократия, учиться у нее. Те, кого А.В. Лукин относит к "китаефилам", выступали лишь за нормализацию отношений с Китаем, не более того. Если следовать исторической правде, то из так называемых "китаефилов" только Ф.М. Бурлацкий в своей пространной статье, опубликованной весной 1986 г. в "Литературной газете", дал подробное описание китайских экономических реформ, обратив внимание на их позитивные моменты⁵. "Китаефилы" были в числе тех, кто поддерживал Горбачева в направлении перестройки по пути политических реформ, что в конечном счете и привело к развалу КПСС и распаду Советского Союза. Принципиальная ошибка Горбачева и его советников и консультантов, многие из которых имели высокие научные степени, состояла в том, что перестройку в СССР

⁵ Аналогичной позиции придерживался автор данной статьи, направивший в мае 1986 г. специальное письмо по этому вопросу секретарю ЦК ЦПСС В.А. Медведеву, отвечавшему тогда за отношения с социалистическими странами.

они начали с реформирования политической, а не экономической системы. Будучи по своему менталитету и практическому опыту политиком провинциального масштаба, Горбачев оказался не в состоянии понять, что КПСС является несущей конструкцией советского политического общества, скрепляющей воедино разнообразные по истории, традициям, конфессиям, культуре, климату, национальному и этническому составу, экономическому потенциалу территории. В условиях Советского Союза демократизация партии должна была проводиться *в рамках экономической реформы*. В партии тогда было достаточно экономически грамотных, инициативных людей, которые с успехом могли бы заменить консервативных, отставших от жизни деятелей. Но им нужна была конкретная программа действий в экономике, которой у Горбачева не было. Он и поддерживавшие его так называемые демократы (имена некоторых из них можно встретить на страницах книги Лукина) *объективно* явились могильщиками Советского Союза.

В противоположность Горбачеву, имевшему два высших образования, Дэн Сяопин проучился всего лишь несколько месяцев в Коммунистическом университете трудящихся Востока им. Сунь Ятсена в Москве, но он обладал громадным политическим опытом, чутьем. Он отлично усвоил тривиальную марксистскую истину, что общественное бытие определяет общественное сознание. Поэтому он начал перестройку китайского общества именно с экономической реформы и именно в процессе ее происходило обновление кадрового состава компартии, на смену отставшим от реальной жизни деятелям приходили новые, причем не обязательно молодые руководители, хорошо сознававшие требования момента⁶.

Вообще говоря, нельзя преувеличивать роль советников больших политических руководителей. Вспомним в этой связи Н.С. Хрущева. В сентябре 1953 г. он был избран Первым секретарем ЦК КПСС, а уже через десять месяцев (!) в июле 1954 г. совершил поездку в Югославию. Причем для этого ему пришлось преодолеть сопротивление таких "политических зубров", как В.М. Молотов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков. В противоположность Хрущеву Горбачев совершил свой визит в Пекин только через четыре (!) года после своего избрания Генеральным секретарем ЦК КПСС. И дело здесь отнюдь не в О.Б. Рахманине, на которого А.В. Лукин возлагает всю ответственность за состояние советско-китайских отношений⁷, а в отсутствии у Горбачева и его ближайшего окружения серьезного интереса к Китаю и проводимым в нем реформам. Их интересовало только улучшение отношений с США. Нельзя не вспомнить в связи с обсуждаемой нами проблемой и Ю.В. Андропова. Вряд ли его можно считать несамостоятельным политиком, тем не менее, небезынтересно напомнить, что в своем докладе на июньском пленуме ЦК КПСС 1983 г. он говорил о необходимости продолжения борьбы с маоизмом, от которого в Китае тогда уже отказывались.

Касаясь восприятия образа Китая в пограничных с ним регионах, автор останавливается на таких вопросах, относящихся к данной теме, как численность китайцев-мигрантов, приграничная торговля, позиция руководства регионов, публикации в местных средствах массовой информации, отношение к Китаю среди различных слоев населения, демаркация российско-китайской границы. Указывая на наличие антикитайских настроений, Лукин в то же время отмечает, что они не доминируют на Дальнем Востоке. Вместе с тем он пишет, что "в общем историческом и политическом контексте страхи населения российского Дальнего Востока (перед угрозой со стороны Китая. – В.Б.) выглядят вполне нормальными и естественными, и их нельзя игнорировать" (с. 327). Ав-

⁶ С началом "политики реформ и открытости" в Китае было решительно покончено с применявшейся во времена "культурной революции" практикой, когда непрофессионалы, не имевшие никакого практического опыта, выдвигались на ответственные партийные и государственные посты. В противоположность этому в постсоветский период в России была фактически взята на вооружение практика китайской "культурной революции", когда на больших должностях оказались лица, никогда до этого не работавшие в государственном или партийном аппарате, которые в своей деятельности руководствовались скорее корпоративными, чем государственными интересами.

⁷ О.Б. Рахманин уже в январе 1987 г. перестал работать в аппарате ЦК КПСС.

тор связывает усиление страха перед соседями с глубоким социально-экономическим кризисом, переживаемым данным регионом России. Что касается территориального вопроса в отношениях между двумя государствами, то следует признать, что опасения некоторых публицистов и ученых имеют под собой определенные основания. Конечно, у руководителей Китая нет и не может быть каких-либо территориальных претензий к России, вопрос о границах может считаться закрытым после подписания в 2001 г. Договора о сотрудничестве. Но следует иметь в виду, что на уровне обыденного сознания у некоторых китайских граждан существует мнение о принадлежности Китаю территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Несколько лет тому назад мне пришлось встречаться с китайцем – слушателем военной академии, специализирующимся по России. В одной из встреч он мимоходом, как о само собой разумеющемся факте "сообщил" мне, что территории восточнее Байкала являются китайскими. Если не будут приняты кардинальные меры по преодолению социально-экономического кризиса, то опасения жителей приграничных регионов будут возрастать по мере расширения контактов с Китаем. Еще несколько лет тому назад В.В. Путин говорил, что если не произойдет улучшения социально-экономической ситуации, то через какое-то время большинство жителей данного региона будет говорить на китайском, японском или корейском языках⁸.

Серьезной проблемой для сегодняшней России является освещение китайской темы в российских средствах массовой информации и научных изданиях. Лукин совершенно прав, когда пишет: "В то время, как в каждом номере центральных газет и в любой крупной сводке теленовостей можно было найти 1–2 корреспонденции из США и Европы, число репортажей из Китая или комментариев на китайские темы было обычно намного меньшим" (с. 330). Я писал об этом еще несколько лет тому назад⁹. Но Лукин не делает из данного факта совершенно необходимого вывода о том, что это было связано с политикой руководителей средств массовой информации, поскольку объективные сообщения из Китая должны были сопровождаться указанием на руководящую роль компартии Китая в экономических достижениях страны, чего им явно не хотелось¹⁰. При этом нельзя не заметить, что нередко информация о событиях в Китае прежде всего по телевидению носит необъективный характер¹¹.

Говоря о позиции научной общественности, следует сказать, что российские "неконформисты" до сих пор выражают сомнение в успехах китайской "политики реформ и открытости". Лукин приводит в этой связи высказывание проректора Дипломатической академии МИД России, профессора Е.П. Бажанова, который отмечал, что "и китайские, и российские реформы не доведены до конца: Китай нуждается в демократизации, а Россия – в решении глубоких экономических проблем" (с. 365). Отсюда Бажанов делает вывод о том, что перспективы Китая пока в тумане, что он еще не создал модель устойчивого развития. И это пишется о стране, которая вышла в настоящее время на четвертое место в мире по объему ВВП, а валютные резервы достигли 1.5 трлн. долл.! В сущности точка зрения Бажанова ничем не отличается от мнения западных прорицателей о неминуемом крахе коммунистического Китая, например того же Г. Чана, книгу

⁸ В суждениях Лукина о позиции руководителей Приморского края относительно демаркации российско-китайской границы существует известное противоречие. С одной стороны, он упрекает их в антикитайской истерии, а с другой стороны, признает, что позиция региональных дальневосточных властей заставила Китай пойти на компромисс.

⁹ Буров В.Г. Пейзаж китайского быта. – Политический журнал, 2004, № 37.

¹⁰ Еще несколько лет назад российские средства массовой информации в КНР были представлены только ИТАР-ТАСС и даже сейчас число российских корреспондентов в США и в каждой из ведущих стран Западной Европы намного больше, чем в Китае.

¹¹ К примеру, журналист НТВ, участвовавший в 2007 г. в автопробеге по Китаю, изумленный от увиденных в Китае достижений, не нашел ничего лучшего, чем сказать "для китайцев нет ничего святого". В 2007 г. три ведущих российских телеканала один за другим показали американский фильм "Красный угол", где клеветнически изображается китайская действительность.

которого "Грядущий коллапс Китая" бывший тайваньский руководитель Ли Дэнхуэй посоветовал прочитать всем своим соотечественникам¹².

Сумбурным выглядит описание образа Тайваня в России. Из приводимых материалов различного характера – корреспонденций российских журналистов, высказываний официальных лиц и ученых-китаеведов складывается довольно пестрая картина о политическом и экономическом развитии Тайваня за последние 60 лет. Наряду с серьезными размышлениями в книге приводятся и суждения, носящие наивный характер. Здесь следует назвать, например, бывшего главного редактора журнала "Новое время" А.Б. Пумпянского, который призывал Россию учиться у Тайваня, и подразумевал, что экономический опыт Тайваня радикально отличается от опыта КНР и ближе к свободно-рыночному либерализму Е.Т. Гайдара (с. 440)¹³. А.В. Лукин сознательно или нет обращает преимущественное внимание на те публикации в российской печати, где экономические достижения связываются с демократизацией политического режима. Между тем в действительности успехи в экономическом строительстве КНР, как впрочем и в Южной Корее, Сингапуре, Японии, были обеспечены жесткой вертикалью власти. В течение 38 лет на Тайване существовал авторитарный режим, ядром которого являлась однопартийная диктатура Гоминьдана, а в самой партии существовал демократический централизм, аналогичный тому, какой был в ВКП(б). Кстати, об этом пишут и западные, и сами тайваньские авторы. Именно благодаря существованию дисциплинированной кадровой партии, вооруженной долгосрочной экономической и политической программой (на Тайване практиковалось экономическое планирование), была осуществлена модернизация, создана прочная экономическая база и только после этого на острове была осуществлена демократизация политического режима – разрешено существование других партий, проведены свободные выборы. Образно говоря, если бы не было Чан Кайши и Цзян Цзинго, не было бы Ли Дэнхуэя и Чэнь Шуйбяня. К сожалению, в книге вопрос о взаимосвязи авторитарного режима и экономических успехов Тайваня совершенно обойден¹⁴.

В предисловии к рассматриваемой книге Лукина, принадлежащем Бажанову, есть одно место, которое не может не вызвать серьезного возражения. Приведем его полностью: «На одном из совещаний в посольстве СССР в Китае юный стажер Саша Лукин встает и говорит взрослым дядям, дипломатам: "Помириться с КНР можно, но не за счет обмена медведей на панд. Китай, как известно, заявляет, что на пути нормализации отношений имеются три препятствия. Это интервенция Вьетнама в Кампучии, интервенция СССР в Афганистане, массированное советское присутствие на границе с КНР и в Монголии. Китайцы считают, что все эти действия угрожают их безопасности. Удовлетворив требования по "трем препятствиям", мы с Пекином непременно помиримся"» (с. 5). Точка зрения китайского руководства по так называемым "трем препятствиям" была во многом необоснованной и соглашаться с ней было неправильно. Если ввод советских войск в Афганистан был действительно неоправданным вмешательством во внутренние дела другого государства, то вхождение вьетнамских войск на территорию так называемой демократической Кампучии был интернациональным актом спасения кампучийского народа от тотального уничтожения: за три года правления поддерживаемой Пекином клики Пол Пота – Йенг Сари было зверски уничтожено 3 млн. человек. Это был настоящий геноцид, который признан всем международным сообществом¹⁵. Кроме того, эта клика неоднократно устраивала провокации на границе с Вьетнамом. В книге ничего не говорится ни о поддержке тогдашним руководством Китая варвар-

¹² См. мою рецензию на эту книгу: Проблемы Дальнего Востока, 2003, № 1.

¹³ Аналогичным образом противопоставлял опыт Тайваня опыту материкового Китая и Г. Каспаров несколько лет тому назад в телевизионной передаче "Апельсиновый сок".

¹⁴ Об этом подробно говорится в моей работе, о существовании которой, судя по библиографии книги, Лукину известно: Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. М., 1998.

¹⁵ В начале 1979 г. мне довелось посетить пограничные с Кампучией районы Вьетнама и встречаться с беженцами из этой страны. Они рассказывали мне ужасные истории о порядках, царивших в ней.

ского кампучийского режима, ни о совершенной в начале 1979 г. агрессии Китая против Вьетнама. Лукин намеренно или нет обходит те моменты во внешней политике Китая в 70-е годы, которые вызывали озабоченность у советского руководства и влияли на принятие им политических решений.

Во введении к книге утверждается, что "впервые в научной литературе исследуется эволюция образа Китая в России на протяжении четырех веков и его роль в выработке российской политики по отношению к Китаю" (с. 16). Это заявление, как и утверждение автора предисловия Бажанова, что это – первая книга по проблеме, как образ Китая в общественном мнении России влиял на ее политику в отношении Китая, мягко говоря, являются преувеличением. Впервые об этом писали академики В.П. Васильев, В.В. Бартольд. Наиболее полно досоветский период освещен в работе П.Е. Скачкова, а советский, до 70-х годов XX в., в книге В.Н. Никифорова¹⁶.

В книге не видно работы автора с первоисточниками, т.е. документами, хранящимися в архивах (исключение составляет его семейный архив!) или опубликованными в соответствующих изданиях. Поэтому период XVII–XVIII вв. освещен недостаточно полно, ибо Лукин не использует многие изданные в Советском Союзе и России архивные материалы, относящиеся к этому периоду. Например, по истории отношений России с Китаем (серия "Русско-китайские отношения в XVII–XX веках") изданы два тома по XVII в., три тома по XVIII в., том по XIX в., два тома (каждый в двух книгах) по XX в. В них содержится богатейший материал о российско-китайских отношениях на протяжении нескольких столетий. Лукин ссылается только на том I по XVII в. Так что говорить об источниках, на которых строится эта книга, не приходится. Это обзор историографии, т.е. готовых работ, из которых автор извлекает нужные ему цитаты.

В идеологическом плане эта книга обращает читателя к давно уже минувшим временам. Но это не историзм, а попытки Лукина реанимировать то, что давно ушло в прошлое, как говорят китайцы: "цзе ши хуань хунь" – "позаимствовать труп, чтобы вернуть душу". (Это 14-я стратагема из трактата "36 стратагем")¹⁷.

Если брать классическое Китаеведение XIX в., то надо было бы давать анализ трудов Н.Я. Бичурина, его книг и журнальных статей, ибо именно он формировал общественное мнение России со второй половины 20-х годов и до середины XIX столетия. Наконец, неправомерно рассматривать позиции российских Китаеведов в отрыве от концепций китайских россиеведов, которые с XVII по XIX столетие создавали негативный образ русских и России. Эта же методология была заимствована и антикоммунистической гомильдановской пропагандой. В годы конфронтации с СССР китайская партийно-государственная пропаганда взяла на вооружение все негативные наработки, которые были сделаны в императорском и чанкайшистском Китае. Но в противовес ей лучшие китайские деятели культуры стремились к познанию русской культуры, к укреплению связей между народами России и Китая. По ним-то и ударила маоцзедуновская "великая пролетарская культурная революция".

Научная корректность требует сказать, что не только в советском Китаеведении были различные подходы к Китаю в 20–40-х годах и к КНР в 60-х – начале 80-х годов XX в. Американское Китаеведение пережило схожие ситуации. Причем видные сторонники сближения с Китаем прошли "чистилище" маккартизма и были отстранены от работы. Об этом написано достаточно много. Но у автора видимо другая задача – внести раскол в отечественное Китаеведение. Говоря о творчестве отечественных Китаеведов в годы конфронтации Китая с СССР, Лукин использует схему американского политолога

¹⁶ Васильев В.П. Россия и Китай. СПб., 1892; Бартольд В.В. История изучения Востока в Европе и России. М., 1924; Никифоров В.Н. Советские историки о проблемах Китая. М., 1971; Скачков П.Е. Очерки истории русского Китаеведения. М., 1977.

¹⁷ Зенгер Харро, фон. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать. Впервые полное современное прочтение всех 36 знаменитых стратагем, истинного воплощения трехтысячелетней мудрости, т. 1. М., 2004, с. 266.

Г. Розмана, который еще в 80-е годы опубликовал статью, содержащую весьма произвольные и некомпетентные характеристики не трудов, а личностей в нашем китаеведении. Этому же методу следует и Лукин. Он, например, берет одну из статей или книг, не исследуя творчество того или иного автора в целом, скажем, наиболее публикуемого в наши дни профессора Ю.И. Галеновича, и на этом основании приклеивает ярлыки "китаефилов" и "китаефобов". Но это не метод науки¹⁸.

Книге предпослано посвящение: "Арлену Вааговичу Меликсетову, моему учителю истории". Это посвящение ко многому обязывает. А.В. Меликсетов был одним из наших крупных историков. Вышедший под его редакцией учебник "История Китая" выдержал уже не одно издание и заслуженно пользуется популярностью как пособие, дающее точные, проверенные знания по истории Китая от древности до новейшего времени.

История наука точная. Лукин, например, пишет, что российский Сенат поручил в середине XVIII в. "перевести официальную историю династии Цин, которая была опубликована в 16 томах" (с. 53). Но официальной истории династии Цин нет до сих пор, она сейчас еще только готовится. Это один из государственных проектов в КНР в области общественных наук. Каждая династийная история писалась следующей династией. Что касается объемов этих династийных хроник, то изданная в Японии "Дай Цин шичао ши-лу" – "Хроника основных событий династии Цин" – насчитывает 1220 томов. В 16 же томов И. Россохин и А. Леонтьев уложили "Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска", т.е. официальное сочинение о происхождении потомков чжурчжэней и их воинской организации. Это название и дано в сноске 71 (с. 502).

Непонятно также согласие автора с утверждением немецкого ученого А. Каппелера о присущем якобы русским политическим деятелям и дипломатам чувстве превосходства по отношению к Китаю. Тем более что он неверно оценивал поведение российских дипломатов в императорском Китае, когда они отказывались выполнять унижительную церемонию "коуту" (поклон до земли. – В.Б.). Ведь и сам Лукин указывает на коренные различия во внешнеполитических доктринах России и Китая – "если русская доктрина того времени признавала равноправные межгосударственные отношения, то в Китае все иные государства считались зависимыми данниками" (с. 45).

В заключение хотелось бы остановиться на одном важном не только для меня вопросе. В последние 20 лет в России появилась порочная практика ворошить грязное белье, чернить всех и вся. Мудрость, присущая представителям китайской цивилизации, заключается в том, что они не выносят на всеобщее обозрение свою внутреннюю политическую кухню, даже в историческом аспекте. Мне не встречалось ни одной китайской публикации, в которой бы говорилось об ответственности тех или иных китайских деятелей, политиков за ухудшение советско-китайских отношений, в том числе и по поводу событий на острове Даманском, о борьбе внутри политической элиты страны по этому вопросу. В этой связи следует заметить, что китайские публикации обходят также вопрос об ответственности тогдашнего руководства Китая за поддержку так называемой "демократической Кампучии".

В работе, претендующей на научность, не следует приклеивать ярлыки. А в рассматриваемой книге такие ярлыки раздаются направо и налево. Этот метод был характерен в прошлом для официальной советской и китайской пропаганды, но давно уже осужден и в России, и в Китае.

¹⁸ Противоречащей правилам научной этики выглядит ссылка Лукина на неопубликованную рукопись доклада М.Л. Титаренко без согласия автора.